

Долина простиралась менее чем на два ли в окружности, и большая ее часть была покрыта колючими кустами и сорняками, которые тянулись от дна до пологих склонов гор. Дно долины не было ровным — оно было усеяно камнями разных размеров. На склонах уже распустились дикие цветы, и время от времени их можно было увидеть между камнями, покачивающимися на ветру.

Сун Чу, выросший в деревне Циншань, никогда раньше не был здесь. С криком радости он бросился вперед, а Чу Ли, подхватив его настроение, с улыбкой последовал за ним. Ань Хуа и Ань Жубао, стоя на камне, наблюдали за ними, улыбаясь. Ань Жубао широко раскинул руки, глубоко вдохнул и произнес:

— Весенний ветер приносит аромат цветов, а тишина долины изгоняет все тревоги. Это действительно прекрасное место.

Ань Хуа, глядя вдаль, улыбнулся:

— Я случайно нашел это место. Раньше я часто приходил сюда, когда был зол, расстроен, устал или обижен. Я садился, глубоко дышал, иногда даже кричал, и все плохое уходило. Поэтому я назвал это место Долиной Забвения Печалей.

Ань Жубао кивнул:

— Долина Забвения Печалей? Долина Забвения Печалей. Очень подходящее название.

Они некоторое время стояли в тишине, и вдруг Ань Хуа заговорил:

— Через пару дней я отправляюсь в торговую поездку.

Ань Жубао замер, а Ань Хуа продолжил:

— Наш торговый караван отправляется два раза в год — весной и осенью. Прошлой осенью я взял с собой Чу Ли, потому что не хотел оставлять его одного. Но его здоровье и так было слабым, и всю дорогу он болел. На юге он чуть не умер от акклиматизации. Но я не могу не ехать, и, подумав, решил, что могу доверить его только вам. Я давно хотел поговорить об этом, но не знал, как начать. Сегодня, раз уж ты здесь, я сначала скажу тебе, а через пару дней поговорю с дядей Ань Сюанем.

Ань Жубао ответил:

— У моих родителей точно не будет проблем. Вся наша семья любит Чу Ли, особенно Сун И и Ань Жуюй. Если они не видят его пару дней, то постоянно спрашивают: «Где брат Чу Ли?»

Ань Хуа улыбнулся:

— Я знал, что вы согласитесь, поэтому и не решался говорить. Это слишком большая просьба.

Ань Жубао похлопал его по плечу:

— Какая там просьба? Если бы мой отец был здесь, он бы снова сказал, что ты стесняешься.

Вдруг он вспомнил что-то и спросил:

— Кстати, Ань Хуа, ты много путешествуешь. Ты не знаешь, где можно найти картофель, батат или арахис?

Ань Хуа с недоумением покачал головой:

— Картофель, батат... арахис? Я никогда о таком не слышал.

Ответ, которого Ань Жубао ожидал, немного расстроил его, но он все же терпеливо объяснил, как выглядят эти растения. Однако, увидев, что Ань Хуа все еще не понимает, он окончательно сдался.

Ань Хуа, видя его разочарование, поспешил сказать:

— Не расстраивайся. Может, я просто не понял. Если ты нарисуешь их, возможно, я узнаю.

Ань Жубао подумал, что это неплохая идея, и немного оживился.

Сун Чу и Чу Ли уже отбежали на некоторое расстояние. Сун Чу обернулся, помахал им и крикнул:

— Брат Ань Хуа, брат Жубао, почему вы не идете?

Они переглянулись, улыбнулись и пошли к ним. Сун Чу и Чу Ли, увидев что-то интересное, присели рядом и начали что-то обсуждать, ковыряя и шепчась. Через некоторое время они встали. После бега их лица покраснелись, на лбу выступил легкий пот, но улыбки были яркими, как солнце.

Ань Хуа, глядя на своего будущего супруга, сказал:

— Когда я впервые увидел Чу Ли, он был весь в ранах, едва живой, лежал в постели. Я никогда не думал, что он сможет быть таким здоровым и беззаботным.

Ань Жубао тоже вспомнил, как впервые увидел Сун Чу — тот с серьезным лицом пытался казаться взрослым. Он вздохнул:

— Поэтому мы должны продолжать стараться, чтобы эти дни длились как можно дольше.

Сун Чу, обладающий невероятной энергией, бегал туда-сюда без остановки. Возможно, из-за окружающей обстановки, даже Чу Ли, чье здоровье было не самым крепким, смог бегать за ним довольно долго. В конце концов он устал и, прислонившись к Ань Хуа, еле двигался, но глаза его все еще следили за Сун Чу. Когда пришло время уходить, он обнял Ань Хуа за шею и начал тереться, умоляя остаться еще немного. Сун Чу тоже не хотел уходить. Ань Хуа и Ань Жубао, посмотрев на небо, не стали потакать их желаниям и, уговаривая, повели их домой.

Ань Хуа нес Чу Ли на руках, и четверо вышли из долины, вернулись на главную дорогу и пошли обратно в деревню. Проходя мимо небольшого холма, Сун Чу вдруг повернул голову и крикнул:

— Там кто-то есть!

Ань Хуа и Ань Жубао вздрогнули и посмотрели вверх. Было уже ближе к вечеру, и в полумраке они увидели две темные фигуры, которые, видимо, испугались, услышав Сун Чу, и быстро исчезли за холмом.

Четверо переглянулись, но в деревне часто можно было встретить людей, гуляющих в горах, поэтому они не придали этому значения и продолжили путь. Войдя в деревню, они подошли к дому Ань Хуа. Ань Жубао предложил им пойти к нему домой поужинать, но Ань Хуа покачал головой:

— Нет, я дома приготовлю.

Ань Жубао, видя его решимость, не стал настаивать.

На следующий день Ань Хуа пришел к Ань Сюаню и рассказал ему и Цинь Фэну о своем желании оставить Чу Ли на их попечение. Ань Хуа все еще чувствовал себя неловко, но Ань Сюань и Цинь Фэн сразу же согласились. Цинь Фэн улыбнулся:

— Мне очень нравится Чу Ли. Он хорошо ладит с Сун Чу и Ань Жуюй. Ты же сам позаботься о себе, ведь тебе придется жить в тяжелых условиях. А о Чу Ли не беспокойся, мы о нем позаботимся.

Ань Хуа кивнул, и его глаза вдруг наполнились слезами. Все эти годы он был один, и, кроме Чу Ли, это был первый раз, когда кто-то так заботился о нем.

Пока Ань Хуа был у них, Ань Жубао нарисовал изображения трех растений и показал ему. Ань Хуа внимательно рассмотрел их, но снова покачал головой, хотя пообещал обратить внимание на юге. Ань Жубао не сильно надеялся, но сказал, что если увидит — хорошо, а если нет — не стоит специально искать.

День отъезда Ань Хуа был назначен на двадцать шестое число второго месяца. Поскольку накануне вечером они должны были добраться до города Юйсин, Ань Хуа договорился с семьей Ань Сюаня, что привезет Чу Ли двадцать четвертого вечером. Но в тот день они ждали долго, а он так и не появился. Ань Сюань, беспокоясь, послал Ань Жубао и Сун Чу проверить, что случилось.

Они, взяв фонарь, пришли к дому Ань Хуа и долго стучали в дверь, прежде чем он открыл. На нем висел Чу Ли, с покрасневшими от слез глазами, обвинивший его, как коала. Увидев Сун Чу, он не проявил обычного энтузиазма. Ань Хуа дал им понять, что объяснит завтра, и они, поняв, вернулись домой и рассказали Ань Сюаню и Цинь Фэну. Всей семье пришлось лечь спать.

На следующее утро, едва рассвело, Ань Хуа приехал на повозке и привез Чу Ли. Когда он снял его с повозки, тот еще спал. Ань Хуа, следуя за Ань Жубао, отнес его в западную комнату, где жили Ань Жубао и Сун Чу. Сун Чу уже встал и ждал их.

Ань Хуа осторожно положил Чу Ли на кан, укрыл одеялом и оставил Сун Чу присматривать за ним. Выйдя из комнаты, он сказал Ань Жубао:

— Я не хотел ему говорить, но потом подумал, что он может расстроиться, если вдруг не увидит меня. Вчера я попытался объяснить, но он так сильно отреагировал. Он смотрел на меня всю ночь, просыпался, как только я шевелился, и цеплялся за меня, боясь, что я его оставлю. Только к утру он наконец уснул.

Затем он вынес из повозки вещи и одежду Чу Ли, передал Ань Жубао мешочек с серебряными монетами и рассказал о привычках Чу Ли. Подумав, что все сказал, он долго смотрел на ворота, затем сел в повозку и дернул поводья. Лошадь заржала и сделала первый шаг, как вдруг из дома раздался громкий плач:

— Хуа... Хуа...

Голос был полон отчаяния. Ань Хуа сжал поводья, замер на мгновение, затем, стиснув зубы, дважды хлестнул лошадь и быстро уехал.

Кнут Ань Хуа был резок, и повозка быстро выехала из деревни. Было ли это игрой воображения, но, проехав далеко, он все еще слышал плач Чу Ли, каждый звук которого бил ему прямо в сердце. С тех пор как он в пятнадцать лет отправился в мир, это был первый раз, когда он покидал дом с таким тяжелым сердцем.

<http://bllate.org/book/16457/1493179>